

Ильясова С. В.
Ростов-на-Дону, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2386-6512
E-mail: ilyasova_rnd@mail.ru

УДК 811.161.1'373.611
DOI 10.26170/FK19-03-10
ББК Ш141.12-20
ГСНТИ 16.21.29
Код ВАК 10.02.19

Ли Ли
Ростов-на-Дону, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3221-8445

КАТЕГОРИЯ НЕВЗРОСЛОСТИ КАК ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Предметом исследования является категория незрелости, объединяющая наименования детенышей и детей. Для достижения поставленной в работе цели – применить полевой подход к словам с общим значением незрелости, выделить ядерные и периферийные зоны, зоны пересечения; показать активные процессы, идущие внутри поля «Наименования детенышей» и поля «Наименования незрелых лиц», – были использованы методы компонентного, словообразовательного, контекстологического анализа и метод полевой стратификации, а также приемы обобщения, интерпретации и классификации исследуемого материала.

Ключевые слова: категория незрелости; детеныши; дети; словообразование; неологизмы; русский язык; языковая картина мира.

В результате исследования были сделаны следующие выводы: о тенденции к унификации способов создания наименований детенышей, о пополняемости этой группы лексики неологизмами и неодериватами, зафиксированными в электронных словарях и языке Интернета, о процессах метафоризации и онимизации названий детенышей и, как следствие, – расширении ономастического пространства за счет дономастической близости – наличии общей семы «ласкательность». Результаты исследования лиц со значением незрелости позволяют говорить о сохранении сложившихся в русском языке традиций при обозначении незрелых лиц (например, при обозначении социального положения или национальности), но в то же время здесь явно заметно усиление окказиональности – большое количество неодериватов, мотивированных антропонимами. В то же время можно увидеть, что в русской языковой картине мира отражается новый взгляд на категорию незрелости, она расширяет свои границы, физиологический признак незрелости перестает быть обязательным. Неодериваты с суффиксом *-онк* начинают входить в сферу социальной оценочности.

Материалы проведенного исследования могут быть использованы при изучении активных словообразовательных процессов, идущих в русском языке, в лексикографической практике, в преподавании русского языка как иностранного.

Ilyasova S. V.
Li Li
Rostov-on-Don, Russia

THE CATEGORY OF NON-ADULTHOOD AS A FIELD STRUCTURE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Abstract. The subject of research is the category of non-adulthood combining the names of the children and cubs. To achieve the goal setted in the work – apply a field approach to words with a general meaning of non-adulthood, select nuclear and peripheral zones, zones of intersection; to show the active processes taking place inside the field “Names of cubs” and the field “Names of non-adults” – were used the methods of component, derivational and contextual analysis, the method of field stratification, as well as methods of summarizing, interpreting and classifying the material under the study.

Keywords: maturity category; cubs; children; word formation; neologisms; Russian language; linguistic picture of the world.

As a result of the study, the following conclusions were made: about the tendency to unify ways to create names for cubs, about the replenishment of this group of vocabulary with neologisms and neo-derivates recorded in the electronic dictionaries and the Internet language, about the processes of metaphorization and onimization of names of cubs and, as a result, expansion of onomastic space due to pre-onomastic proximity – the presence of a common seme ‘caress’. The results of the study of persons with the meaning of non-adulthood allow to talk about the preservation of the traditions in Russian in the designation of non-adults (for example, in the designation of social status or nationality), but at the same time there is clearly noticeable increasing of occasional meaning – a large number of neo-derivates motivated by anthroponyms. At the same time, it is possible to see that the Russian language picture of the world reflects a new view on the category of non-adulthood, it expands its boundaries, the physiological attribute of non-adulthood ceases to be obligatory. Neo-derivates with the suffix *-onok* begin to enter the sphere of social evaluation.

The materials of this study can be used in the study of active word-formation processes taking place in the Russian language, in lexicographical practice, in teaching Russian as a foreign language.

Для цитирования: Ильясова, С. В. Категория незрелости как полевая структура в русской языковой картине мира / С. В. Ильясова, Ли Ли // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 73–80. DOI 10.26170/FK19-03-10.

For citation: Ilyasova, S. V. The Category of Non-Adulthood as a Field Structure in the Russian Language Picture of the World / S. V. Ilyasova, Li Li // Philological Class. – 2019. – № 3 (57). – P. 73–80. DOI 10.26170/FK19-03-10.

В настоящее время растет интерес к изучению семантических категорий, способов и средств их репрезентации в языке. Категория незрелости, исследованию которой посвящена данная статья, ста-

новилась предметом изучения в работах Ю. С. Азарх, А. Ф. Гельбуха, Л. В. Сабуровой, Н. С. Шапошниковой и других ученых, однако метод полевой стратификации к моделированию данной категории не был

применен, что составляет актуальность данного исследования.

Понятием *незрелость* мы объединяем две категории наименований:

I. Названия детенышей, т. е. молодых животных, находящихся при матери [Ожегов 1973: 150].

II. Названия детей в двух значениях: 1. Мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества. 2. Сыновья, дочери [Там же].

Ядром категории незрелости Е. А. Земская считает первую группу наименований: «Значение незрелости реализуется обычно в наименованиях детенышей животного» [Земская 1992: 160].

Для обозначения второй группы наименований используется термин *незрелые лица* [Там же].

Цель данного исследования – ввести полевой подход применительно к наименованиям с общим значением незрелости, выделить ядерные и периферийные зоны, зоны пересечения; показать активные процессы, идущие внутри поля «Наименования детенышей» и поля «Наименования незрелых лиц», используя для этого методы компонентного, словообразовательного и контекстологического анализа, метод полевой стратификации, а также приемы обобщения, интерпретации и классификации исследуемого материала.

Исследование построено на обширном языковом **материале**: данных толковых словарей русского языка, словарей новых слов, Викисловаря как мобильного лексикографического источника сведений о процессе неологизации современного русского языка.

Также для подтверждения авторских наблюдений и выводов привлекались новые лексемы, рассмотренные ранее в работах других исследователей.

Кроме того, источником фактического материала послужил язык интернет-коммуникации – активно развивающейся речевой формации, которую по праву можно назвать полигоном для освоения новой лексики.

В основе применяемого в работе полевого подхода лежит взгляд на эту языковую структуру, разработанный применительно к ономастическому полю, ср.: «...поле представляет собой инвентарь элементов, имеющих семантическую общность; в поле имеются однородные и разнородные элементы, в результате в составе поля выделяются ядро и периферия; конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого...» [Крюкова 2017: 170].

Категория незрелости в русском языке формируется средствами словообразования и лексики. Ядро ее образует словообразовательная категория незрелости.

Универсальным суффиксом для обозначения незрелости является суффикс *-онок* (орф. *-ёнок*).

В «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» представлены 4 словарные статьи с заглавным морфем *-онок*. Рассмотрим их:

-ОНОК¹ и орф. -ЁНОК, во мн. ч. -АТ(А)¹, орф. также -ЯТА(А), и -ЕНЯТА(А); -ЧОНОК, во мн. ч. -ЧАТ(А)

Сущ. м. р., I скл.

ЗМ (значение морфемы – С. И., Ли Ли): *незрелое живое существо (лицо или животное), связанное с предметом или признаком, названным мотивирующим словом.*

1. *сц < сц*

Сп.: суф.

ЗТ (значение словообразовательного типа – С. И., Ли Ли): *незрелое лицо или животное, принадлежащее к разряду лиц или животных, названному мотивирующим сц., или имеющее отношение к предмету, явлению, названному мотивирующим сц.*

ЗП (значение подтипа – С. И., Ли Ли): *детеныш животного, названного мотивирующим сц.*

Слон > слон-ёнок 'детеныш слона'. мн. ч. слон-ят-а <... >

1.2. ЗП: незрелое лицо, принадлежащее по своей национальности, социальному положению, занятию, родственным отношениям и другим свойствам к разряду лиц, названному мотивирующим сц.; при мотивации названиями фантастических существ – незрелое существо (в т. ч. применительно к детям).

Цыган > цыган-ёнок 'ребенок-цыган', мн. ч. цыган-ят-а <... >

1.3. ЗП: воображаемый детеныш существа, представляемого одушевленным.

Кукла > кукл-ёнок 'кукла в виде фигурки ребенка', мн. ч. кукл-ят-а.

1.4. ЗП: ребенок, принадлежащий к группе лиц, названной мотивирующим словом или связанной с тем, что названо мотивирующим словом.

Октябрь 'Октябрьская революция 1917 г.' > октябр-ёнок, мн. ч. октябр-ят-а 'букв.: дети Октября'; двойня > двойня-ят-а (мн. ч., разг.) 'о детях-близнецах'.

1.5. ЗП: ребенок, названный мотивирующим сц (с усилением значения незрелости).

Мальчик > мальч-онок, мн. ч. мальч-ат-а (разг.) 'маленький мальчик'.

2. *сц < прл*

Сп.: суф.

ЗТ: незрелое лицо – носитель процессуального признака, названного мотивирующим прл.

Несмышлениш > несмышле-ёнок 'о ребенке, подростке' (разг.) [Лопатин, Улуханов 2016: 601–603].

Таким образом, в рассмотренной словарной статье представлена детальная картина образования существительных со значением незрелости, мотивированных как существительными, так и прилагательными.

Концептуальной считаем размещенную в словарной статье следующую информацию: «Продуктивность типов (подтипов), в т. ч. эпизодическая, иллюстрируется новообразованиями – неологизмами и окказионализмами (приводимыми соответственно за пометами *Нов.* и *Окказ.*); все новообразования приводятся в паре с их мотивирующими словами, часто – с толкованием их лексического значения через мотивирующее слово» [Там же: 9].

Действительно, для каждого из ЗП приводятся примеры не только узусных, но и окказиональных существительных, о чем свидетельствует помета **Окказ.** Правда, остается не совсем понятным, что служит критерием для разграничения окказионализмов и неологизмов. На наш взгляд, такие новообразования, как *жирафенок, муленок, мараленок* и др., вполне стандартны и заполняют клеточки словообразовательной системы.

Не вполне понятно и нуждается в расшифровке и понятие эпизодической продуктивности – Эпизодич. прод.

В аспекте рассматриваемой проблематики нас также интересует словарная статья с заглавным морфом **-ОНОК⁴, орф. -ЁНОК**

сущ. м. р., I скл.

ЗМ: *невзрослое лицо, принадлежащее к названным мотивирующим словам.*

сц < сц (в форме мн. ч.)

Сп.: суф.

ЗТ: см. **ЗМ**

Дети > дет-ёнок, ребята (мн. ч. к ребенок) > ребятен-ок (оба – в знач. ‘ребенок’, прост.).

Непрод. [Там же: 605].

Для указания на незрелость (регулярно – при обозначении детенышей и нерегулярно – детей) используется суффикс *-оныш* (орф. *-ёныш*), ср.:

-ОНЫШ и орф. **-ЁНЫШ**

Сущ., м. р., I скл.

ЗМ: *детеныш животного, названного мотивирующим словом.*

сц < сц

Сп.: суф

ЗТ: см. **ЗМ.**

Зверь > звереныш ‘детеныш зверя’ <... > гад > гад-ёныш (также прост. бран. – о человеке). Семантически обособленно: дети > дет-ёныш [Там же].

В словарной статье также содержится информация о продуктивности словообразовательного типа в разговорной и художественной речи, что подтверждается рядом примеров окказиональных образований.

Несмотря на общность способов образования, каждая из указанных в начале статьи групп слов со значением незрелости имеет свои особенности концептуализации в русской языковой картине.

I. Наименования детенышей.

Эта группа слов входит в зоолексику, которая, в свою очередь, входит «в лексическое ядро любого языка» [Тлехатук 2016: 152] и может быть охарактеризована как *лингвистическая универсалия*, отражающая связь культуры, мышления и языка, ибо «...мир животных – часть нашего бытия... С изначальных времен животные были рядом с людьми. В их повадках, как в зеркале, человек видел и свои – свою силу, слабости и пороки» [Там же: 154].

Если представить национальную языковую картину мира как пирамиду, вершиной которой является человек, то животные располагаются вместе с неживой природой в части пирамиды, обозначенной как «материальная жизнедеятельность» [Пятаева 2018: 62].

Если представить эту часть зоолексики в виде поля, то ядро его будут составлять суффиксальные лексемы с суффиксами *-онок/-ёнок*, мотивированные названиями взрослых животных. По данным «Обратного словаря русского языка», таких лексем насчитывается свыше 80. Это открытая для пополнения группа лексики.

На периферии поля находятся супплетивные образования: *жеребёнок, теленок, цыпленок, ягненок, поросенок, кутенок* [Обратный словарь русского языка 1974: 435–436].

Здесь же расположены и суффиксальные образования – существительные с суффиксом *-оныш (-ёныш)*. Они представлены в указанном словаре единичными примерами, ср.: *змееныш, звереныш, гусеныш, утеныш* [Там же: 547].

В этой части поля располагаются и составные наименования, напр.: *детеныш кита, детеныш бегемота,*

птенец голубя, птенец ласточки, птенец цапли, детеныш обезьяны, птенец дятла, – которые в разговорной речи могут иметь суффиксальные варианты, напр.: *китенок, ластушонок, дятлёнок* и др.

Имея тесные связи с производящей основой, наименования на *-онок/-ёнок* выступают как обязательные члены словообразовательного гнезда, занимая место после названия самки, напр.: *волк – вол-чиц-а, волч-их-а – волч-онок; медведь – медвед-их-а, медвед-иц-а – медвеж-онок*. В гнезде могут также присутствовать варианты наименований детеныша, напр.: *утка – ут-ёнок – ут-ёныш* [Тихонов 1985]. Парадигмы с исходным словом – названием животного – в лингвистике получили название парадигм «бестиального типа», в состав парадигмы может входить как один член (напр., *какаду, колибри, пантера* и др.), так и два, три, четыре, пять и более (напр., парадигма с исходным словом *гусь*) членов [см. Сирота 2016]. Расширение парадигмы зависит не только от появления наименования детеныша, но этот факт тоже играет не последнюю роль в ее комплектации.

Иначе обстоит дело с супплетивными образованиями. Они или отсутствуют в словообразовательных словарях, или выступают как исходные слова, напр.: *поросенок, щенок* [Тихонов 1985].

В то же время как супплетивные наименования взрослых животных, так и наименования детенышей являются в русском языке более частотными, что подтверждается исследованием, проведенным И. С. Улухановым. Сопоставив словообразовательные и супплетивные пары, ученый приходит к выводу, что, во-первых, супплетивные пары «превосходят своей употребительностью членов несупплетивных пар того же значения» [Улуханов 2005: 63]; во-вторых, он отмечает более высокую частотность женского коррелята, ср.: *бык* (68) – *корова* (75), *петух* (18) – *курица* (26), *баран* (8) – *овца* (33).

Продолжением наблюдения за частотностью супплетивных образований является анализ категории незрелости: «Почти все наиболее частотные названия детенышей – это немотивированные слова, хотя и имеющие суффикс *-онок* (IV степень членимости по шкале М. В. Панова); <...>. Это названия детенышей всех основных домашних животных, имеющих в крестьянском хозяйстве: *лошадь – жеребёнок* (частотность 5), *свинья – поросенок* (частотность 6), *корова – теленок* (частотность 9), *собака – щенок* (частотность 8), *курица – цыпленок* (частотность 12), *овца – ягненок* (частотность 12)» [Там же: 65].

В группу частотных лексем входит мотивированное существительное *котенок* (10), менее частотными являются мотивированные слова, имеющие отношение к домашнему хозяйству: *козленок* (4), *мышонок* (4), *утенок* (4). Ниже показатели частотности у следующих слов: 3 – *медвежонок, волчонок*, 2 – *орленок*.

Таким образом, наименования детенышей животных с суффиксами *-онок/-ёнок* в русском языке являются достаточно частотными.

Наименования на *онок/-ёнок* относятся к продуктивному словообразовательному типу, следствием чего является пополнение ядра поля новыми лексемами. О появлении *неодериватов* – новых названий детенышей с суффиксами *-онок/-ёнок* – свидетельству-

ют данные словарей и Интернета: *гребешата* [НС-82], *дельфиненок* [НС-81], *горилленок* [Интернет], *дятленок* [Словарь Тришина], *жабенек* [Викисловарь], *жирафенок* [Викисловарь], *китенок* [СНС-95], *кошуленок* [Словарь Ефремовой], *ластушонок* [Словарь Тришина], *обезьяненок* [Викисловарь], *панденок* [Интернет], *пантеренок* [Интернет], *попугаенок* [Словарь Тришина], *попугайчонок* [Викисловарь], *пустельжонок* [НС-81], *черепашонок* [Викисловарь].

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Все приведенные лексемы подтверждают наблюдение о первой функции словообразования – функции «ословливания и означивания мира» [Кубрякова 2004: 407], которая в то же время является и собственно когнитивной, т. к. она реализует «способность человека характеризовать новое знание через уже имеющиеся, комбинировать готовые и отработанные структуры знания в целях выражения нового...» [Там же].

2. Большая часть из них зафиксирована в электронных словарях, наиболее мобильных на сегодняшний день лексикографических источниках, или в языке интернет-коммуникации, где происходит освоение инноваций, ср.: *В Московском зоопарке родился детеныш горилленок* [https://mir24.tv/news/14833879/v-moskovskom-zooparke-rodilsya-gorillенок]; *Панденок чихнул* [https://yandex.ru/search/?lr=39&clid=1946579&win=125&text]; *Пантеренок Васька* [https://yandex.ru/search/?lr=39&clid=1946579&win=125&text].

Сделаем два небольших замечания: первый из неологизмов не имеет еще устойчивого написания, ср.: *горилленок* и *гориленок*.

Считаем необходимым также заметить, что некоторые из приведенных неологизмов имеют свою лексикографическую историю: слова *обезьяненок*, *жабенек*, *ластушонок* приведены в словаре В. И. Даля, потом они вышли из активного употребления, что подтверждается данными «Сводного словаря современной русской лексики» (1991), и вновь вернулись в активный запас.

Перейдем к рассмотрению трансформации семантики зоолексем – явления, характерном для зоолексики разных языков, ср.: «Зоолексика как универсальное тематическое объединение слов приобретает в разных языках в процессе функционирования многочисленные ассоциации и коннотации...» [Глехатук 2016: 155].

Этот процесс хорошо изучен в русском языкознании на материале названий взрослых животных, коснулся он и названий детенышей, ср.: *жаворонок*, нка, м. О том, кто рано просыпается и рано ложится спать (*перен.*, *здесь в сравнении*) [НС-80]; *лягушата*, шат, мн. О малышах, обучающихся плаванию в бассейне (*в разг. шутил. речи*) [НС-81]; *поросенок*, нка, м. Минут через пять-семь КА-32 возвращается к лесосеке. И все повторяется. С той лишь разницей, что приходится возить не только «хлысты», но и «поросят» – короткие многотонные куски стволов [НС-82]; *львенок*, нка, м. О ребенке, родившемся в конце июля-августа, когда Солнце находится в созвездии Льва (*разг.*) [НС3-90]; *моржонок* 1. детеныш моржа. 2. *разг.* о ребенке, закаливаемом холодной водой [Викисловарь].

Выделим среди семантических неологизмов лексему *поросенок* – название неодушевленного предмета,

что наблюдается достаточно редко, т. к. перенос наименования происходит в точках соприкосновения: человек – животное, эти зоны полей пересекаются, накладываются друг на друга.

Идея незрелости, как справедливо заметила Е. А. Земская, содержит компонент «„маленький“ и оценку ласкательности» [Земская 1992: 160], что находит выражение в использовании названий детенышей для наименования разного рода услуг для детей, напр.: «Медвежонок» – детский интернет-магазин; «Лисенок» – конкурс для младших классов; «Утенок» – компания-производитель детской одежды; «Орленок» – всероссийский детский центр; «Львенок» – олимпиада для начальной школы; «Зайчонок» – детский магазин и т. д. и т. п. Таким образом, на основе близости доономастических значений формируется ономастическое пространство, где проявляется внутренняя семантическая общность категории незрелости.

Сосредоточим внимание на вариантности, универсальном явлении для русского языка. В рассматриваемой группе оно представлено следующими парами: *гусеныши* и *гусенок*, *змееныши* и *змеенок*, *утеныши* и *утенок*. Все перечисленные лексемы присутствуют в толковых словарях русского языка. В Викисловаре лексема *гусеныши* отсутствует, лексема *змееныши* представлена как многозначная (1. детеныш змеи. 2. *разг. бран. уничиж.*), есть пара *утеныши* и *утенок*, при этом значение слова *утеныши* приводится через значение слова *утенок*.

Полагаем, что продуктивность слов на *-онок/-енок* сказывается и в тенденции замены составных наименований на суффиксальные, ср.: детеныш панды – *панденок*, детеныш обезьяны – *обезьяненок*, детеныш кита – *китенок*, птенец попугая – *попугаенок* (*попугайчонок*) и др.

Заметим также, что названия детенышей могут образовываться и с другими суффиксами, ср.: *ягняши*, а, м. Ягненок (*в разг. речи, ласково*) [НС-83], но это, скорее, исключение.

Таким образом, в результате анализа полевой структуры «Названия детенышей» можно говорить об ее открытости, пополняемости за счет неодериватов на *-онок/-ёнок*, об активных семантических процессах, результатом которых являются семантические неологизмы, о тенденции к унификации в сфере наименований детенышей.

II. Наименования лиц со значением незрелости.

Полагаем, что в ядро следующего поля входят наименования незрелых лиц – детей в первом значении, в ближней периферии находятся наименования детей по их отношению к родителям. Наиболее заметные процессы происходят в ядре поля. Процесс устаревания здесь неактивен (см. *октябренок*), процесс неологизации активен и отражает социальные изменения в обществе. На периферии поля формируется группа изоформных наименований.

Проиллюстрируем сказанное примерами:

Бомжонок, нка (мн. *бомжата*, ат), м. *Разг.* Бездомный ребенок (обычно убежавший из семьи, из детского дома, интерната и т. п.) [ТС-98]. Подчеркнем, что приведенная инновация входит в достаточно разветвленное на сегодняшний день гнездо с вершиной *бомж*, формирование которого происходило в 90-е годы,

ср.: *бомжатник, бомжевать, бомжировать, бомжиха, бомжовка* [Там же]. В следующем по времени выходе «Толковом словаре современного русского языка» это гнездо пополнилось такими инновациями, как: *бомжара, бомжатский* [ТС-2001]. Подчеркнем, что сначала в русском языке появилась аббревиатура БОМЖ, потом – в результате метонимического переноса – существительное *бомж*: **БОМЖ**, *нескл., м.* Сокр. Без определенного места жительства [ТС-98], а затем – цельнооформленное слово: **Бомж**, *а, м.* *Разг.* Тот, кто не имеет постоянного места жительства, прописки, определенных занятий, бездомный бродяга [Там же].

Активные деривационные процессы, как известно, свидетельствуют об актуальности слова, о правомерности употребления в отношении него терминов *актуальный неологизм* (Е. В. Маринова), *ключевое слово текущего момента* (А. П. Сковородников).

В эти же годы формируется и словообразовательное гнездо, где вершиной выступает *челнок*: **Челнок**, *а, м.* *Перен.* *Разг.* Мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа и вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках [Там же] – семантический неологизм, впервые зафиксированный в НСЗ 70-х и постепенно обрастающий производными: *челночить, челночица* [Там же], *челночество, челночный* [ТС-2001], *челночиха, челночник, челночонок* [НСЗ-90, т. 3]. Обратим внимание на следующее: неологизм *челночник* зафиксирован словарями позже, чем неологизм *челночица*, неологизм *челночонок* не имеет значения невзрослости, ср.: **ЧЕЛНОЧОНОК**, *а, м.* (*мн.* *челночата, ат*). Челнок (*см.* 1-е знач.), занимающийся мелкой развездной торговлей, *челночник* (*см.*) (*разг.*) [Там же]. Таким образом, формируется ряд агентивов с тождественным значением, при этом *челночник* и *челночонок* мотивированы словом *челнок* в первом значении, т. к. это слово получило и другое значение – «*курьер, перевозящий контрабанду*» (*жарг.*) [Там же]. Появление словообразовательного неологизма *челночник* имеет экстралингвистическое объяснение – вовлечение мужчин в *челночество*, появление неологизма *челночонок* свидетельствует о развитии у суффикса *-онок* дополнительной коннотации, противоположной коннотации ласкательности, ср.: **ЧУБАЙСЯТА**, *ят, мн.* (*ед.* *чубайсенок, нка, м.*). Сторонники А. Б. Чубайса: те, кто работает в его команде (*разг., пренебр.*) [Там же].

Неологизм *гайдарята* («то же, что гайдаровцы, гайдаристы») сопровождается пометой «уничижительно» [Жданова 2013: 75]. Здесь также можно увидеть сдвиг в семантике существительных на *-онок* – значение невзрослости утрачивает первоначальный физиологический характер и приобретает социальный подтекст – незрелые в своих взглядах, поступках.

В то же время инновации со значением физиологической невзрослости, мотивированные антропонимами, продолжают появляться, ср.: «Путинята – это молодые сторонники политики Путина» [Стексова 2012: 116]. Автор замечает, что активно функционирующая в разных дискурсах инновация *путинята* может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Наблюдения автора в полной мере подтверждаются данными неформальной интернет-коммуникации, что будет показано далее.

Примером обыгрывания ключевого для современной России антропонима может служить и следующий: «Превращение гладкого *путенка* [В., № 49, 2007] – заголовков статьи о выдвижении Д. Медведева в качестве преемника В. В. Путина» [Кардунян 2010: 110]. Здесь представлен достаточно распространенный в русском языке прием варьирования прецедентного феномена: гадкий утенок – персонаж одноименной сказки Ганса Христиана Андерсена – превращается в гладкого *путенка* (результат контаминации *Путин* + *утенок*).

Неодериваты, мотивированные антропонимами, могут употребляться и во втором значении слова *дети*, ср.:

В Голливуде подрастает маленький БОНДенок (КП. 20.10.2000); *Кстати, звезда до сих пор скрывает и имя отца первого «фостеренка»...* (КП. 27.09.2001); *Скоро Штеffi Граф будет играть с графенком* (КП. 24.01.2001). Первая из инноваций образована от фамилии знаменитого агента 007 Джеймса Бонда, вторая – голливудской звезды Джоди Фостер, третья – теннисной звезды Штеffi Граф» [Ильясова 2002: 77]. Заметим, что в первом примере, помимо словообразовательной, представлена и графическая игра, так называемая *капитализация* – прием выделения сегмента в слове. В третьем примере игра построена на столкновении межъязыковых омонимов – *Граф* и *граф*.

Ряд подобных неодериватов продолжает пополняться, ср.: *Дочка Анна очень похожа на папу – вылитый Беккеренок* (КП. 03.08.07. – от Б. Беккер); *А близкие друзья Александра Абдулова уже давно не в шутку намекают, что ждут не дождутся маленьких «абдулят»* (Семь дней. 2006. № 12) <... > *А маленький «бонденек» учится в элитной американской школе* (КП. 19.12.03). Полагаем, что и эмоциональный, и оценочный компоненты выражают шутливое отношение к объектам наименования [Ильясова 2016: 153].

Подобные инновации не редкость и в Интернете, напр.:

«*Климовята с маминными глазами*»: *В сети восторгаются детьми Екатерины Климовой. Екатерина Климова выложила в Instagram семейную фотосессию – на ней она позирует вместе с тремя детьми: Лизой, Матвеем и Корнеем. Несмотря на то, что 16-летняя Лиза родилась от первого мужа Ильи Хорошилова, а мальчики – во втором браке от актера Игоря Петренко, у всех детей как на подбор зеленые глаза* [<https://news.myseldon.com/ru/news/index/206342000>].

Продолжают появляться и инновации, мотивированные нарицательными именами существительными со значением лица, например, по профессиональной принадлежности: *штурманята* [Битюцких 2015]; *Всегда ли у алкоголиков получают «алкоголята», а у профессоров – «профессорята»?* (АиФ. 2003. № 38) [Ильясова 2016: 153]. Столкновение в одном контексте неагентивов, обозначающих лиц, находящихся внизу и вверху социальной лестницы, рождает мощный экспрессивный эффект.

Пополняется группа названий детей – представителей национальности: **УЗБЕЧОНОК**, *нка, м.* Мальчик-узбек (*в разг. речи, ласково*) [НС-84]; «**Чечененок**» *был не виноват* (Известия. 11.09.08) [Ильясова 2016: 154].

Помимо прихода в язык новых слов, наблюдается и уход слов в пассивный запас, что сопровождается специальной пометой в словарях, ср.:

Октябренок, нка, м. (мн. октябрыта, ят). В советск. время: член детской организации, предшествующей пионерской [ТС-2001]. И все же, на наш взгляд, составители словарей поспешили отнести слово *октябренок* к историзмам, т. к. в современной России октябрытское движение возрождается, что подтверждает, например, следующий документ:

**План работы с октябрытами на 2018/2019 учебный год
Стародворецкий ясли-сад-базовая школа**

[<http://mdo.stdvorec.berestovica.edu.by/ru/main.aspx?guid=3041>].

На этом же сайте можно увидеть девиз октябрыт: *Пионеры, октябрыта – это лучшие ребята*. Можно ознакомиться с Правилами октябрыт и прочитать трогательную «Легенду об октябрынке».

Однако не все неогериваты можно назвать удачными, уместными, напр.: *Сейчас СМИ перемалывают кости Марии Ароновой – известной актрисе, которая в эфире толкнула человеколюбивую речь о даунятах, назвав их будущими убийцами* (КП. 23.10.12). Мы не беремся оценивать речь М. Ароновой, но берем на себя смелость сказать, что слово *даунята* по отношению к больным детям звучит как оскорбление [Ильясова 2016: 154].

Обзор активных процессов, идущих в современном русском языке, как уже было показано, невозможен без обращения к Интернету. На сегодняшний день уже стало очевидным, что он – самое открытое пространство для любых новаций. Это совсем не значит, что все они безоговорочно принимаются как лингвистами, так и пользователями, но наблюдать за их появлением – увлекательное и полезное занятие. В этой связи представляет интерес точка зрения на игры в Интернете, высказанная в начале XXI века Е. А. Земской., ср.: «Интернетовские игры, на мой взгляд, имеют смысл, если рожденные новые словечки заполняют семантические лакуны в литературном языке, т. е. называют что-то новое, необходимое. В большинстве случаев они семантически мало интересны, тривиальны и далеко не всегда изобретательны» [Земская 2006: 230].

Приведа в качестве примера сатиру на речь людоедки Элочки, Е. А. Земская, автор исследований по языковой игре в разговорной речи, в языке СМИ и т. д., делает следующий прогноз: «Будущее покажет, какие игры принесет нам Интернет в XXI веке» [Там же: 231].

Одной из самых распространенных в языке Интернета можно признать игру с антропонимами. Например, уже рассмотренная в статье инновация *путинята* активно используется интернет-пользователями в разных контекстах и с разной коннотацией. Так, резонанс в Интернете получила книга стихов Ирины Кононовой «Путинята», где есть такие строчки: *Малышей теперь в России путинятами зовут*. Очевидно, что *путинята* в таком контексте – это современные октябрыта.

Инновация *путинята* употребляется в значении «сторонники Путина», в одном контексте могут выступать и другие инновации с этим же словообразовательным значением, напр.: *Про путинят и навалынат* [<https://narzur.ru/pro-putinyat-i-navalnyat>]. Очевидно, что здесь оба слова не имеют семы незрелости, а употребляются как оценочные.

В языке Интернета также частотны неогериваты, мотивированные наименованиями лиц-участников

интернет-коммуникации. Будучи по преимуществу заимствованными словами, они в то же время легко производят производные, в т. ч. с суффиксом *-онок/-ёнок*, ср.: *блогерыта, ламерынок (ламерыта), лузерыта, спамерынок (спамерыта), стримерыта, френденек, хакерынок (хакерыта), флуденята, фолловерыта, юзерыта* [см. Ван Яньбин 2019].

Прежде всего, следует ответить на вопрос, какое значение имеют перечисленные инновации. Обозначают ли они незрелых лиц? Или дают оценку лицам, принадлежащим к определенному сообществу?

Блогерыта/блогерыта

1. Дети (например: «Блогерыта» – название блога учителя начальных классов).

2. Взрослые блогеры.

Ламерынок, ламерыта

1. Незрелый пользователь.

2. Неопытные пользователи.

3. Детеныш ламы.

Лузеренок, лузерыта

1. Дети лузеров.

2. Молодые люди – лузеры (неудачники).

Спамерынок, спамерыта

1. Спамерынок – придуманное существо, похожее на чебурашку.

2. Распространители спама.

Френденек, френденята – друг младшего возраста любого пола по ЖЖ.

Фолловерыта – то же, что фолловеры.

Хакерынок, хакерыта

1. Молодые хакеры.

2. Дети хакеров.

Юзерыта – молодые юзеры.

Стримерыта – то же, что стримеры.

Флуденек – маленький, неоперившийся флудер (Словарь флуда), *шутл., ирон.*

Таким образом, перечисленные инновации могут обозначать как незрелых лиц (в том числе детей), так и взрослых. В первом случае возможна шуточная оценка, во втором – обычно ироническая, напр.: *соль не в том, что на нем пиарятся намаги и прочие блогерыта для славы и зарабатывания бабла* [www.yaplakal.com/forum28/st/25/topic1660824.html].

Или: *Приветствую вас, юзерыта!* [vk.com/usernaz]

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Применение полевого подхода позволило рассмотреть две самостоятельные структуры с ядерной и периферийными зонами. На основе близости дономастических значений формируется общее ономастическое пространство, где проявляется внутренняя семантическая общность категории незрелости.

2. Ядро поля «Названия детенышей» составляют существительные на *-онок/-ёнок* – открытая, постоянно пополняемая за счет неогериватов группа лексики, которая также имеет признак частности. При этом наиболее активные деривационные процессы происходят в интернет-коммуникации и фиксируются электронными словарями.

3. Продуктивность составляющих ядро поля лексем оказывает влияние на состав поля, его периферийные зоны. Проявляется тенденция к унификации обозначения

ний детенышей, что, в свою очередь, ведет к однородности компонентов поля.

4. В ядро поля «Названия лиц со значением незрелости» входят наименования незрелых лиц – детей в первом значении, в ближней периферии находятся наименования детей по их отношению к родителям.

5. Анализ неударенных со значением незрелости позволяет говорить о сохранении сложившихся в русском языке традиций при обозначении незрелых лиц (например, при обозначении социального положения или национальности), но в то же время здесь явно заметно усиление окказиональности.

6. В то же время можно увидеть, что в русской языковой картине мира отражается новый взгляд на ка-

тегорию незрелости, она расширяет свои границы, физиологический признак перестает быть обязательным. Инновации с суффиксом *-онок* начинают входить в сферу социальной оценочности.

7. Материалы, положения и выводы проведенного исследования могут быть использованы в изучении проблем лексикологии, лексикографии, словообразования, неологии, интернет-коммуникации, в том числе в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения – магистрантам, слушателям курсов русского языка, участникам обменных программ – для ознакомления инофононов с активными процессами в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Битюцких К. В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2015. – 338 с.
- Ван Яньбин. Роль Викисловаря в отражении неологических процессов современного русского языка: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2019. – 24 с.
- Викисловарь. – URL: ru.wiktionary.org/wiki (дата обращения: 15.04.2019).
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. – URL: www.efremova.info (дата обращения: 16.04.2019) [Словарь Ефремовой].
- Жданова Е. А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценкой // Вестник Нижегородского ун-та. – 2013. – № 6. – С. 73–77.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
- Земская Е. А. Взаимодействие нормы и узуса в русском языке рубежа XX–XXI вв. (на материале словообразования) // Русский язык сегодня: сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2006. – Вып. 4. Проблемы языковой нормы. – С. 223–231.
- Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 360 с.
- Ильясова С. В., Амири Л. П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 328 с.
- Кардунян М. С. Словообразовательная игра в текстах аналитических статей // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности: материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». – Екатеринбург, 2010. – С. 107–114.
- Крюкова И. В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. – Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. – С. 169–183.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Азбуковник, 2016. – 812 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80. – М.: Рус. яз., 1984. – 287 с. [НС-80].
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81. – М.: Рус. яз., 1986. – 288 с. [НС-81].
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82. – М.: Рус. яз., 1986. – 253 с. [НС-82].
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 83. – М.: Рус. яз., 1987. – 190 с. [НС-83].
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 84. – М.: Рус. яз., 1989. – 190 с. [НС-84].
- Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – Т. 2. – 1392 с. [НСЗ-90].
- Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – Т. 3. – 1360 с. [НСЗ-90].
- Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 846 с.
- Пятаева Н. В. Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 212 с.
- Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 1. – 800 с. Т. 2. – 739 с.
- Сирота Е. В. Способы компенсации словообразовательной недостаточности // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 161–167.
- Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). – СПб., 1995. – 878 с. [СНС-95].
- Стеклова Т. И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность». Лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 113–120.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
- Тлехатук С. Р. Зоолексика как лексическая микросистема и зоонимическое пространство как лингвистическая универсалия // Путь в науку: словообразование и ономастика: сборник статей. – Майкоп, 2016. – С. 152–158.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с. [ТС-98].
- Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 944 с. [ТС-2001].
- Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка. – ASIS, 2013. – URL: rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index-65.htm (дата обращения: 16.04.2019) [Словарь Тришина]
- Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М.: Азбуковник, 2005. – 314 с.

REFERENCES

- Bityutskikh, K. V. (2015). *Otazhenie korporativnoi kul'tury voennykh v yazykovom soznanii kursantov* [The Reflection of the Corporate Culture of the Military in the Language of Consciousness of Cadets]. Dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 338 p.
- Efremova, T. F. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language] [website]. URL: www.efremova.info (mode of access: 16.04.2019).

- Ilyasova, S. V. (2002). *Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI* [Word Formation Game as a Phenomenon of the Language of Modern Media]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 360 p.
- Ilyasova, S. V., Amiri, L. P. (2016). *Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomalija* [Language of the Media and Advertising: the Game as the Norm and as an Anomaly]. Moscow, FLINTA: Nauka. 328 p.
- Kardumyan, M. S. (2010). Slovoobrazovatel'naya igra v tekstakh analiticheskikh statei [Word-building Game in the Texts of Analytical Articles]. In *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v svete lingvokreativnoi deyatel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Yazyk. Sistema. Lichnost': Sovremennaya yazykovaya situatsiya i ee leksikograficheskoe predstavlenie»*. Ekaterinburg, pp. 107–114.
- Kryukova, I. V. (2017). Periferiinye razryady onomastiki [Peripheral Discharges of Onomastics]. In *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy: kollektivnaya monografiya*. Maikop, Izdatel'stvo „Magarin O. G.“, pp. 169–183.
- Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 560 p.
- Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-formational Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik». 812 p.
- Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 80 [New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials – 80]. (1984). Moscow, Russkii yazyk. 287 p.
- Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 81 [New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials – 81]. (1986). Moscow, Russkii yazyk. 288 p.
- Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 82 [New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials – 82]. (1986). Moscow, Russkii yazyk. 253 p.
- Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 83 [New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials – 83]. (1987). Moscow, Russkii yazyk. 190 p.
- Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 84 [New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials – 84]. (1989). Moscow, Russkii yazyk. 190 p.
- Novye slova i znacheniya: slovar' – spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t. [New Words and Meanings: a Reference Dictionary of Materials from the Press and Literature of the 90s of the Twentieth Century, in 3 vols.]. (2014). St. Petersburg, DMITRII BULANIN. Vol. 2. 1392 p.
- Novye slova i znacheniya: slovar' – spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t. [New Words and Meanings: a Reference Dictionary of Materials from the Press and Literature of the 90s of the Twentieth Century, in 3 vols.]. (2014). St. Petersburg, DMITRII BULANIN. Vol. 3. 1360 p.
- Obratnyi slovar' russkogo yazyka. Okolo 125 000 slov [Reverse Dictionary of the Russian Language. About 125000 Words]. (1974). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 944 p.
- Ozhegov, S. I. (1973). *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 846 p.
- Pyataeva, N. V. (2018). *Antropotsentricheskii i sinergeticheskii printsipy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and Synergistic Principles of Linguistics in the Dynamic Research of Lexical Nests]. 2nd edition. Moscow, FLINTA. 212 p.
- Sirota, E. V. (2016). Sposoby kompensirovaniya slovoobrazovatel'noi nedostatochnosti [The Ways of Compensating of Derivational Deficiency]. In *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznanija (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Nizhny Novgorod, DEKOM, pp. 161–167.
- Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov) [Dictionary of New Words of the Russian Language (mid 50s – mid 80s)]. (1995). St. Petersburg. 878 p.
- Steksova, T. I. (2012). Lingvokreativnaya deyatel'nost' v sfere politicheskoi kommunikatsii [Linguistic Activity in the Field of Political Communication]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost'». Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 113–120.
- Svodnyi slovar' sovremennoi russkoi leksiki: v 2 t. [A Composite Dictionary of Modern Russian Vocabulary, in 2 vols.]. (1991). Moscow, Russkii yazyk. Vol. 1. 800 p. Vol. 2. 739 p.
- Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t.* [Dictionary of the Russian Language, in 2 vols.] Moscow, Russkii yazyk.
- Tlekhatuk, S. R. (2016). Zooleksika kak leksicheskaya mikrosistema i zoonimicheskoe prostranstvo kak lingvisticheskaya universalija [Zooleksika as a Lexical Microsystem and Zoonymic Space as a Linguistic Universal]. In *P Put' v nauku: slovoobrazovanie i onomastika: sbornik statei*. Maikop, pp. 152–158.
- Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX v. Yazykovye izmeneniya [Explanatory Dictionary of Russian Language of the Late Twentieth Century. Language Changes]. (1998). St. Petersburg, Folio-Press. 700 p.
- Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language. Language Changes End of the Twentieth Century]. (2001). Moscow, Astrel', AST. 944 p.
- Trishin, V. N. (2013). *Bol'shoi slovar' – spravochnik sinonimov russkogo yazyka* [Large Dictionary Reference of Synonyms of the Russian Language] [website]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index-65.htm> (mode of access: 16.04.2019).
- Ulukhanov, I. S. (2005). *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the Russian Derivation System]. Moscow, Azbukovnik. 314 p.
- Van Yan'bin. (2019). *Rol' Vikislovarya v otrazhenii neologicheskikh protsessov sovremennogo russkogo yazyka* [The Role of Wiktionary in the Reflection of the Neological Processes of the Modern Russian Language]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-on-Don. 24 p.
- Vikislovar' [Wiktionary] [website]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (mode of access: 15.04.2019).
- Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word Formation as an Activity]. Moscow, Nauka. 221 p.
- Zemskaya, E. A. (2006). Vzaimodeistvie normy i uzusa v russkom yazyke rubezha XX–XXI vv. (na materiale slovoobrazovaniya) [The Interaction of Norms and Usus in the Russian Language of the Turn of the XX–XXI Centuries (Based on Word Formation)]. In *Russkii yazyk segodnya: sb. statei*. Moscow. Issue 4. Problemy yazykovoi normy, pp. 223–231.
- Zhdanova, E. A. (2013). Slovoobrazovatel'nye neologizmy s negativnoi otsenkoi [Derivative Neologisms with a Negative Assessment]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*. No. 6, pp. 73–77.

Сведения об авторе

Ильясова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
E-mail: ilyasova_rnd@mail.ru.

Ли Ли – аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
E-mail: ilyasova_rnd@mail.ru.

Author's information

Ilyasova Svetlana Vasilyevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Li Li – Post-graduate Student of the Department of Russian Language for Foreign Students, Southern Federal University (Rostov-on-Don).